Неуцененные песни ГУЛАГа Интервью с Виктором Булгаковым

РЫЧКОВА НАДЕЖДА НИКОЛАЕВНА[1]

✉ RYCHKOVA-NN@RANEPA.RU
ORCID: 0000-0001-5516-1643

[1] Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Москва, Россия

Для цитирования:
Рычкова, Н. Н. (2020). *Неуцененные* песни ГУЛАГа. Интервью с Виктором Булгаковым. *Фольклор и антропология города*, *III*(3–4), 296–317. DOI: 10.22394/2658 3895-2020-3-3-4-296-317.

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

"No discount" songs of the Gulag Interview with Victor Antonovich Bulgakov

Nadezhda N. Rychkova [1]

✉ RYCHKOVA-NN@RANEPA.RU
ORCID: 0000-0001-5516-1643

[1] Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

To cite:
Rychkova, N. (2020). *"No discount"* songs of the Gulag. Interview with Victor Bulgakov. *Urban Folklore & Anthropology*, *III*(3–4), 296–317. DOI: 10.22394/2658 3895-2020-3-3-4-296-317. (In Russian).

По словам моего собеседника Виктора Антоновича Булгакова, «неуцененными» в пятидесятые годы XX века называли такие песни, анекдоты и поступки, за которые давали серьезный срок. За несколько подобных песен он и сам был (уже повторно) арестован в 1959 году.

Аресты и наказания за исполнение «политических» песен — репрессивная практика, известная задолго до советской эпохи[1], — в СССР окончательно устоялись к середине 30-х годов. Так, в сентябре 1935 года в процессах о контрреволюционной агитации дела с формулировкой «исполнение и распространение контрреволюционных рассказов, песен, стихов, частушек, анекдотов и т. п.» занимали четвертое место из девяти и составляли 7%[2].

После смерти Сталина судопроизводство по таким делам не прекратилось: во второй половине 1950-х годов историки отмечают увеличение количества осужденных за «антисоветскую» агитацию и пропаганду. Среди них, например, в 1956–1957 годы 7,7% были арестованы за «хранение и распространение антисоветской литературы, в том числе дневники, переписанные от руки стихотворения и песни и другие рукописные документы антисоветского содержания»[3].

[1] Так, А. Н. Пыпин приводит несколько судебных дел XVIII века, в которых ненадлежащие песни о царских особах становились «предметом розыска» и поводом для суровых приговоров [Пыпин 1900].

[2] См. в [История сталинского ГУЛАГа 2004: 239].

[3] См. подробнее в [Козлов, Мироненко 2005].

Пятого марта 1953 года В. А. Булгаков, тогда 17-летний студент факультета журналистики МГУ, был арестован в первый раз за попытку создать молодежную подпольную антисталинистскую организацию и приговорен к 25 годам лагерей и 5 годам поражения в правах. В июне 1953 года он был этапирован в особый лагерь № 1 («Минеральный») в Инте Кожвинского района Коми АССР, где работал в шахте.

В октябре 1955 года Булгакова вызвали в Москву на переследствие, полгода он провел в камере Бутырской тюрьмы и был освобожден 21 апреля 1956 года «за отсутствием состава преступления». 18 февраля 1959 года его вновь арестовали. На этот раз — за участие в 1954–1955 годы в лагерном сопротивлении, за сочинение стихов и песен, направленных против режима. 2 августа того же года благодаря настойчивости товарищей-студентов МГУ его освободили по статье 43 с формулировкой «за давностью действия утратили характер преступления»[4].

Через несколько месяцев он получил разрешение окончить вечернее отделение факультета журналистики МГУ. Работая грузчиком на чугунолитейном заводе Войкова, он два года был членом литобъединения «Ваганка», а затем стал его руководителем, параллельно поступив редактором в Госэнергоиздат, для чего ему пришлось пройти обучение на кафедре теоретических основ электротехники в Московском авиационном институте.

Затем Булгаков закончил аспирантуру Всесоюзного института научной и технической информации (ВИНИТИ РАН) по теме «Экономическая эффективность систем научно-технической информации». С 1963 года работал ведущим инженером научно-исследовательского института информации и технико-экономических исследований Госкомитета по радио и электронике, затем 16 лет проработал заведующим отделом научно-исследовательского института легкого машиностроения, а потом старшим научным сотрудником ВНИИ машиностроения и робототехники. В 1990–1993 годы был депутатом Моссовета 21-го созыва.

По воспоминаниям Виктора Антоновича, в лагере в 1955 году они с другом, поэтом Леонидом Ситко, заговорили о публикации своих стихов «когда-нибудь» и обещали друг другу, что первая книжка у каждого из них выйдет только в России. Тогда это казалось почти утопией, но оба сдержали слово. Сборник стихов Ситко вышел в Москве в 1996 году, а первый сборник стихов Булгакова «Пять оленей» — в 1997-м. С того времени В. А. Булгаков опубликовал семь художественных книг [Булгаков 2005, Булгаков 2008/2016, Булгаков 2011, Булгаков 2015, Булгаков 2019], большинство которых были начаты в заключении и связаны с событиями завершения эпохи сталинизма. Книга «Будущее знают дети» — та самая рукопись, которую сожгли в КГБ по окончании следствия еще в 1953 году.

Свою первую «политическую» песню, содержащую призыв «к оружью», Виктор Булгаков написал в 1952 году, затем последовали другие — историей создания каждой из них он поделился в нашей беседе. «Неуцененные» песни создавались и бытовали и в местах заключения — именно этому в основном и посвящено публикуемое интервью. В лагере, где исполнять что-либо подобное было довольно трудно и опасно, Булгаков научился «приспосабливать» тексты известных песен для выражения негодования и надежд политических заключенных. Так случилось, например, с песней «В лесу прифронтовом», в которой общеизвестные куплеты при благоприятных обстоятельствах — если вблизи нет охранников и стукачей — чередовались

[4] Более подробно об этих событиях см. [Булгаков 2016].

с агитационными, призывающими к борьбе. Вспоминает он и о переделках «нейтральных» тюремных песен, приобретавших от этого «политический» смысл[5]): в те годы, и не только в Инте, бытовали такие вариации песен «Таганка… все ночи полные огня…» и «Я помню тот Ванинский порт…»

Кроме текстов собственного сочинения и переделок, бытовавших в интинском Минлаге, Виктор Антонович по моей просьбе напел несколько «приблатненных» песен, которые он помнит с детства. Однако особенно ценным материалом в его устных воспоминаниях, на мой взгляд, являются не столько сами тексты песен (хотя и они, безусловно, тоже), сколько своего рода этнография лагерного пения: подробные описания ситуаций исполнения, способов хранения и распространения песен, позволяющие представить, как эти песни, в том числе «неуцененные», обращались в лагере и что значили для заключенных[6].

Интервью с В. А. Булгаковым, состоявшееся у него дома в Москве 6 сентября 2020 года и длившееся около трех часов, публикуется с небольшими пропусками (в тех случаях, когда разговор совсем уходил в сторону), обозначенными знаком ‹…›. После расшифровки Виктор Антонович редактировал текст, в результате чего некоторые эпизоды были удалены (в том числе, к особому сожалению, фрагменты песен), а другие, наоборот, немного расширены.

Литература

Булгаков, В. А. (2005). *Письма из юности*. М.: Агентство печати «Наука».

Булгаков, В. А. (2008/2016). *Песочные часы*. М.

Булгаков, В. А. (2011). И тогда Земля отдохнет. *Сверхновая, 2011*(43–44), 137–227.

Булгаков, В. А. (2015). *Рассудку вопреки. Фантастические приключения и поэзия*. М.: Гражданская преемственность — право, жизнь, достоинство.

Булгаков, В. А. (2016). Свобода была только под землей. В А. Артемьева, Е. Рачева (Авт.-сост.). *58-я. Неизъятое: Истории людей, которые пережили то, чего мы больше всего боимся*, 232–239. М.: АСТ.

Булгаков, В. А. (2019). *Будущее знают дети: фантастическая повесть.* М.: Гражданская преемственность — право, жизнь, достоинство.

Демин, М. (1994). *Блатной: роман*. Новосибирск: АО «Интербук».

Джекобсон, М., Джекобсон, Л. (2014). *Песенный фольклор советских тюрем и лагерей как исторический источник. 1917–1991*. М.: РГГУ.

История сталинского ГУЛАГа. (2004). Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 т., 1. М.: РОССПЭН.

Козлов, В. А. Мироненко, С. В. (Ред.) (2005). *Крамола. Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежневе 1953–1982 гг. Рассекреченные документы Верховного суда и Прокуратуры СССР*. М.: Материк.

Лурье, М. Л. (2010). Политические и тюремные песни в начале XX в.: между пропагандой и фольклором. *Антропологический форум, 2010*(12-Online). Режим доступа: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/012online/12_online_lurie.pdf.

[5] Эта практика известна с дореволюционных лет. Подробнее о «политизации» старых тюремных песен — от изменения одного слова до более крупных трансформаций — см. в [Лурье 2010].

[6] До сих пор практически единственным источником наших представлений о бытовании песен в лагерях сталинского времени остаются художественные тексты, построенные на воспоминаниях авторов, но все-таки творчески обработанные. См., например: повесть Варлама Шаламова «Аполлон среди блатных» (1959) [Шаламов 1998], где автор описывает песенную культуру блатарей, или роман Михаила Демина «Блатной» [Демин 1994], который пронизан блатной лирикой. Произведений, в которых описано бытование песен среди политических заключенных, еще меньше, и в основном это отрывочные упоминания. Основным источником сведений о песенном фольклоре ГУЛАГа является сборник Михаила и Лидии Джекобсонов, в котором, помимо текстов, даны краткие сведения о жизни песни [Джекобсон, Джекобсон 2014].

Пыпин, А. Н. (1900). Дела о песнях в XVIII веке: 1704–1764 гг. *Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук, V*(2), 554–590.

Шаламов, В. Т. (1998). Аполлон среди блатных. В В. Т. Шаламов. *Собрание сочинений в 4 томах, 2*, 76–86. М.: Художественная литература, Вагриус.

References

Bulgakov, V. (2005). *Letters from the years of youth*. Moscow: Agentstvo pechati "Nauka". (In Russian).

Bulgakov, V. (2008/2016). *The sand-glass*. Moscow. (In Russian).

Bulgakov, V. (2011). And then the Earth shall rest. *Sverkhnovaya, 2011*(43–44), 137–227. (In Russian).

Bulgakov, V. (2015). *Against all reason. Sci-fi adventures and poetry*. Moscow: Grazhdanskaya preemstvennost' — pravo, zhizn', dostoinstvo. (In Russian).

Bulgakov, V. (2016). We only had freedom underground. In A. Artemyeva, E. Racheva (Compl.). *Article 58. Non-confiscated: Stories of the people who have lived through what we fear most,* 232–239. Moscow: AST. (In Russian).

Bulgakov, V. (2019). *The children know the future: A sci-fi novella.* Moscow: Grazhdanskaya preemstvennost' — pravo, zhizn', dostoinstvo. (In Russian).

Demin, M. (1994). *The Bandit: A novel*. Novosibirsk: AO "Interbuk". (In Russian).

History of the Stalinist Gulag. (2004). From the late 1920s to the first half of the 1950s: A collection of documents in 7 volumes, 1. Moscow: ROSSPEN. (In Russian).

Jakobson, M., Jakobson, L. (2014). *Soviet prison and camp folk songs as a historical source: 1917–1991.* Moscow: RGGU. (In Russian).

Kozlov, V., Mironenko, S. (Eds.) (2005). *The sedition. Dissidence in the USSR in the Khruschev and Brezhnev eras 1953–1982. Unclassified documents of the Supreme Court and Public Prosecution Office of the USSR*. Moscow: Materik. (In Russian).

Lurie, M. (2010). Political and prison songs in the early 20th century: Between propaganda and folklore. *Forum for Anthropology and Culture, 2010*(12-Online). Retrieved from http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/012online/12_online_lurie.pdf (In Russian).

Pypin, A. (1900). The song cases in the 18th century: 1704–1764. *The Bulletin of the Department of Russian Language and Literature of His Majesty's Imperial Academy of Sciences, V*(2), 554–590. (In Russian).

Shalamov, V. (1998). Apollo among the bandits. In V. Shalamov. *Collected works in 4 volumes, 2*, 76–86. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, Vagrius. (In Russian).

***

До того как вы попали в лагерь, вы уже писали стихи?

Писал. Очень немного. Очень немного. В частности, то, чем открывается вот здесь сборник стихов [«Пять оленей»], это песня. Но это песня для нашей организации, за которую я сел.

Да, я прочитала, что у вас была организация…

Была.

Молодежная, да?

Молодежная, да.

А песня была написана для нее… как гимн или как что-то?..

Ну, как песня этой организации. Я ее сейчас найду. Вот, «Довольно». [*Показывает в книге.*] Ну уж давайте я вам спою, чего же вы просто так читать будете!

О нет, ни минуты покоя,
Пусть сердце, безумствуя, любит,
Пусть разум проклятое бремя
Раздавит, растопчет, стряхнет!

Пусть песня летит над землею,
Пусть в каждом селенье бушует,
К восстанью пришло это время,
К восстанью пришло это время,
К восстанью, низвергнется гнет!
Довольно в покорном молчанье
Рыдать и страдать в исступленье,
Довольно молебны и пени
Нести самодельным богам.

Свобода — одно лишь желанье,
К свободе одно лишь стремленье,
Довольно стоять на коленях,
Довольно стоять на коленях,
К оружью, и горе врагам!

За долгие годы позора,
За горькие слезы гонимых,
За радость, что в тюрьмах убита,
За миг нерасцветшей любви.

Вперед, смерть проклятому горю,
Вперед, смерть оковам незримым,
Поэт, слез довольно пролито,
Поэт, слез довольно пролито,
Довольно, к оружью зови!

Это 52-й год.

Вы написали ее в 52-м?

Да.

А исполняли ли вы ее, когда были в лагере?

Да, конечно.

Были там какие-то карательные меры за такие песни?

За такие песни были карательные меры, но были хитрости, которые помогали этого избегнуть.

Например, какие?

Ну, вообще разные. Как правило, у людей, попадавших в лагерь, вообще в заключение, — там, как только они оказывались в общей камере, или… ну, после суда уже, они… если общались с каким-то песенным творчеством, то первое, что они невольно делали, — они дополняли, переделывали слова уже существующих песен. Иногда — куплеты, иногда — отдельные слова. Есть переделки к песне «Бутырка» — «Все ночи, полные огня…» Традиционная песня. Но есть переделка к ней, которая примерно вот такого характера:

Когда ж отбуду я
Срок наказания
И возвращусь к себе
В свой дом родной.

Дальше в бытовой версии было: «Опять товарищи, Опять стаканчики…», а в спецлагерях пели «Опять товарищи, Опять восстание…».

Есть изменения в таких песнях, как «Ванинский порт»… Я, к сожалению, не смогу их по памяти воспроизвести. Человек, который мне этот текст давал, он потерялся, я не знаю, где он. Он москвич. Первый человек, который меня встретил в лагере. На год был старше меня. Значит, это песня «Я помню тот Ванинский порт». Вот. Она очень сильно переделана в конце. И ее пели.

В таком переделанном варианте?

В таком переделанном варианте. Начиналась она традиционно, да, а потом включались туда переделанные фрагменты. С той же известной песней заключенные Степлага пели:

Так будь же проклята, Караганда,
Что названа мирным оазисом.
Нас на мученья ссылают сюда
За несогласье с надстройкой и базисом.

Главное отличие политического лагерного фольклора от бытового — оптимизм. Уверенность в правоте. Очень нравилась разным людям переделка текста вальса «В лесу прифронтовом»[7].

А ее вы помните?

Конечно.

А это вы ее переделали?

Я, я. Это я.

А можете напеть?

Могу. [*Улыбается.*] Могу. Песня сделана так, чтобы можно было переключиться на нейтральные, абсолютно спокойные слова. Если вдруг, да, стукач или этот самый, охранник:

В бараке сыро, за окном не молкнет ветра свист,
И вальс «В лесу прифронтовом» играет баянист,
Вздыхают, жалуясь, меха, и словно в забытьи
Сидят и слушают зэка товарищи мои.

(Спокойная часть идет)

Под этот вальс весенним днем ходили мы на круг,
Под этот вальс в краю родном любили мы подруг,
Под этот вальс ловили мы очей любимых свет,
Под этот вальс грустили мы, когда подруги нет.

[7] Популярная песня Великой Отечественной войны. Стихи Михаила Исаковского (1942), музыка Матвея Блантера (1943).

(— Никого нет?
— Никого нет.
— Дальше...)

И вот он снова прозвучал в бараке на Инте,
И каждый думал и молчал, припомнив годы те,
И каждый думал о своей, связавшей с ним судьбу,
И каждый знал, дорога к ней ведет через борьбу.
Пусть свет и радость прежних встреч нам светят в трудный час,
А коль придется в тундре лечь, друзья отмстят за нас,
Но даже смерть в снегах, в дыму зэка не устрашит,
И что положено кому, пусть каждый совершит.

(Дальше идут «не крамольные», общепринятые слова).

Настал черед, пришла пора,
Идем, друзья, идем,
За все, чем жили мы вчера,
За все, что завтра ждем.

(— Никого нет?
— Никого нет.
— Дальше...)

За жизнь, что отнята ЦК, за девушек седых,
Вперед, друзья, вперед, зэка, мы отомстим за них.
За тех, кто в мерзлоте лежат под пологом снегов,
По чьим костям бегут, стучат колеса поездов.

Так что ж, друзья, коль наш... черед, да будет сталь крепка,
Пусть наше сердце не замрет, не задрожит рука.
Настал черед, пришла пора, идем, друзья, идем,
За все, чем жили мы вчера, за все, что завтра ждем.

В бараке сыро, за окном не молкнет ветра свист,
И вальс «В лесу прифронтовом» играет баянист,
Вздыхают, жалуясь, меха, и словно в забытьи,
Сидят и слушают зэка, товарищи мои.

Вот такие смешанные песни. Это очень часто. Потому что, бывало такое, что мы читаем стихи, да. Один раз было… где-то это описано у меня. Мы раньше вышли, выехали из шахты, и у друзей в… подсобном помещении читаем стихи. Из заначки вытащили кучу бумажек. И вдруг: «Тук-тук-тук-тук-тук!» — трое вертухаев. [*Смеется.*] Ну, что надо делать в таком случае? Я стою вот так к этим бумажкам спиной.

Надо чем-то привлечь их внимание, чтоб они… Я беру почти трехлитровую банку, трехлитровую банку, ну, не доверху, но почти доверху, и начинаю пить. Становится старшой, смотрит на меня, говорит: «Во дает!» Постояли-постояли и ушли. Вот. Чем-то отвлечь. То есть, вот это постоянная ситуация, когда… если ты чем-то таким занимаешься, то приходится, приходится чем-то рисковать.

А вот вы говорите, вот эти листки, на них стихи написаны?

Да, на них были написаны стихи.

А где вы их могли хранить?

А очень просто. Берется полка, вот такая. Выдвигается доска. Идет человек на лесопилку в рабочей зоне и вот так эту доску под пилой проводит. И там образуется щель. В которую это все закладывается и задвигается на место.

А стихи — самосочиненные?

Да.

Ваши?

Да, конечно, наши. У нас было таких активно пишущих три человека.

То есть у вас как бы образовалось некоторое сообщество внутри, правильно?

Да, конечно, конечно.

А были те, кто не участвовал ни в чтении стихов, ни…

Ну, были. Были, конечно. Были там… вообще, лагерная среда — это очень разнообразная структура, это отдельный разговор. [*Вздыхает.*] ‹…›

А был ли у вас инструмент какой-то? Гитара или что-то?

Нет, нет. Никогда не было такого инструмента. Нет, ну потом был вот, не знаю, здесь он? Вон стоит. Аккордеон мама привезла туда. Купила на рынке и привезла туда аккордеон. Я вроде бы научился ‹…›

То есть вы играли вообще? Практиковали?

Да, немножко…

И ни у кого не было с собой ни гитары…

Нет, что-то было. Было, конечно. Были даже национальные инструменты. На которых играли люди из Средней Азии, с Кавказа. Другое дело, что им нужно было их либо сдавать, либо знали, что они вот этим пользуются и вот… если они куда-то уезжали, они обязаны были сдать. Вот. Это было под контролем. Но тем не менее — было.

Баян у кого-то был…

Баян был, да.

А были мероприятия, которые для всех, где должны были приготовить какие-то номера, например какие-то смотры?

Было такое. Было такое. Редко, но было. Был даже театр зэков. Такой переезжающий с одного лагпункта на другой. С какими-то спектаклями. Было такое. Когда я только приехал, некоторое время я был на ОЛП-пересылке[8]. Пока

[8] Отдельный лагерный пункт. В тех лагерях, в которых насчитывалось десятки тысяч человек, выделялись отдельные жилые зоны, которых в Минлаге было в разные годы от 10 до 14 — по одной или более тысяч человек в каждой. Обычно их обитатели работали на одной-двух шахтах, которых на Инте

не пришла разнарядка, где работать постоянно. Там мне запомнился приехавший с нашим же этапом человек. Тогда КВЧ [культурно-воспитательная часть] организовала концерт с выступлением вновь прибывших этапников. Старались подобрать что-то такое, соответствующее случаю. А этот попросту пел песню. Есть такая песня:

Любимая, далекая,
Дочурка синеокая
Нежно мишку укрой,
Скоро кончится бой,
Твой отец вернется домой.

Во-первых, у него дома — он не случайно эту песню пел — маленькая дочка осталась. А во-вторых, концерт был для туберкулезников, постоянно живущих на ОЛП-пересылке, для людей, которые одной ногой стоят в могиле уже. Вот.

Он не допел, выскочил оттуда. Лихорадочно курит и говорит: «Я не могу. Я смотрю, а у них эти глазища!» А действительно, люди уже совершенно дошедшие, синие вот такие ямы вместо глаз, и там где-то уже… вот. Так что концерты были. Но, естественно, никаких песен там я не пел.

Вы читали стихи или пели какие-то нейтральные тексты там?

Читал Гоголя: «Русь, Русь, вижу тебя, из моего чудного, прекрасного далека тебя вижу». Вот это. Вот, Гоголя эти лирические отступления я очень любил.

А вот там какой репертуар был?

Свободный совершенно.

Вряд ли вы могли спеть «В лесу прифронтовом» вот в этой переделке.

«В лесу прифронтовом» — нет, но я вообще нахулиганил один раз. [*Смеется.*] Это здесь описано. [*Показывает книгу.*] Значит, что было? Это был уже… наверно, был уже [19]55-й. Был вечер, культурно-воспитательная часть так называемая организовала вечер, посвященный юбилею Горького. А я очень любил его стихи. Вот. И читал «Буревестник»… Упирал на то, что Горький готовил такое движение за свободу. Я очень хотел, чтобы поняли, что это — призыв к борьбе.

Вот сказаны уже слова «к свободе, к свету!» Зал затих — кажется, понимают. Перед тобой микрофон: мероприятие транслируется в бараки. Жаль, что они не увидят... «Вся и всяческая инквизиция от аутодафе (жест вправо-вперед, в пустую темную стену) и до наших (пауза, недвусмысленный жест влево-назад, в сторону “президиума”) дней». А там сидит все начальство лагерное.

Сзади? Куда вы указываете?

Да. Ребята говорили: «Всё, мы думали, тебя сейчас в БУР [Барак усиленного режима] уже уводят». [*Смеется.*] Нет! Проглотили. Конечно, зэкам это нравится. Вот. Так что такие вот возможности были. Но это всегда было сопряжено с какими-то трудностями.

было порядка полутора десятков. — *Примеч. В. А. Булгакова.*

Но мы собирались, пели. Читали друг другу стихи. Естественно, втайне. Лучше всего это было делать в шахте. Потому что в шахту мало кто полезет из начальства ‹…›

Получается, что вот вы в шахтах собирались?

А в шахте мы собирались… Ну, у нас это как бы маленькая возможность такая была, но была в коротких перерывах между работой. Скажем, отпалят забуренную часть пачки угля, остающейся после комбайна, уголь в скат по транспортеру уйдет — возникает недолгая вынужденная передышка. Если на штреке никого нет, я вытаскиваю из заначки стихи или главу книги — пишу. Если, скажем, рабочие из лавы подойдут, пока бурильщик новые шпуры для патронов забуривает, — говорим, поем, спорим. Там мы были хозяева.

Заначки в шахте делали, как правило, на штреке. Делали так же, как хранили личный, хорошо отлаженный инструмент. За стойкой одну из досок затяжек (тонких досок, которыми выстланы стены выработки) рассекали наискось острым топором; вынимали отсеченную накладную часть, делали углубление, уходящее за стойку, и аккуратно вставляли отсеченную часть на место. Обнаружить практически невозможно.

Таким образом это хранится. И таким образом ты приходишь, потом эту заначку вот так вот открываешь осторожненько, вот. И там берешь, вынимаешь. Задвигаешь так же, чтоб не видно было. И дальше, значит, там пишешь, когда у тебя есть время. Ну, ты сидишь там, машинист транспортера. В лаве отпалили уголь, теперь эти самые, бурильщики забуривают, и запальщики закладывают патроны. Чтобы следующие долбить. Взрывать. Значит, у тебя есть время. У тебя на, как бы, на транспортере ничего нет, уголь уже там весь туда ссыпал, в скат. Значит, у тебя есть время. Ты сидишь, пишешь. Вот так. Листочки, правда, грязные от угольной пыли.

Правда, шахта — живая. Некоторые выработки становятся ненужными, и их «сажают», то есть обрушивают кровлю, чтобы уменьшить нагрузку на крепь; она ведь растет, как известно, в степенной зависимости. У меня так погибли две заначки с тремя поэмами («Три женщины», «Антокольский» и «Вечные студенты»), со стихами и прозой. По памяти восстановил только кусочки. А вообще шахта — это для меня стал удивительный громадный мир. И давайте, я вам уж песню спою? Про шахтеров.

Давайте. А это ваша?

Моя, моя. Это где-то в середине срока.

Сжатое в черный камень пламя
Дерзкие люди берут руками,
В толще пластов у Полярного круга
Черным бриллиантом сверкает уголь,
Черным бриллиантом сверкает уголь.

Шахтеры, сильные руки у вас,
Шахтеры, честные души у вас,
И как в забое глухом лампы клинок,
Нужна нам мужская суровая дружба.

Здесь не ярки ни слова, ни краски,
Строги глаза из-под черной каски,

Но если беда загрохочет злая,
Шахтер свою жизнь на твою сменяет,
Шахтер свою жизнь на твою сменяет.

Шахтеры, сильные руки у вас,
Шахтеры, честные души у вас,
И как в забое глухом лампы клинок,
Нужна нам мужская суровая дружба.

Пусть же грохочут отпалов взрывы,
Знали бы вы, как копры красивы,
Когда сквозь зеленую воду заката
Горы, как пена.
Шахтеры, как с фронта с победой солдаты,
Идут к проходной после смены.

Ну, и опять припев «Шахтеры».

А вот вы говорили, что переделок много было, и в том числе «Я помню тот Ванинский порт» или там «В лесу прифронтовом». Вы их хором пели или один свою песню?

По-разному, по-разному. И я, когда уехал оттуда уже, там остались мои товарищи. А я в лагере тоже без какого-то оформления, исподволь вошел в организацию лагерную. Вот. Мы готовили забастовку. Но мы не успели. Не успели, и нам было очень стыдно, потому что воркутинцы уже забастовали, а мы еще нет. И они нам присылали на вагонах надписи «Интинцы, суки, что же вы?!» Но… не успели. Межнациональная несогласованность помешала. Было так. У нас недавно пригнали таких… завзятых хлопцев, яки дуже нэ полюблывали кацапiв. [*Смеется*.] Хотя у меня, потому что я легко и свободно говорил по-украински, у меня были с ними дружеские отношения. Даже споры о самостийности были спокойными, серьезными. Всегда. Но это отдельный разговор, это сложный разговор про это.

А почему мы об этом говорили? А потому что не состоялась, да. Так вот после упразднения лагерей многие остались в Инте. И там продолжали собираться. И появился человечек, который предоставил для этого свое помещение. И там стали собираться и читать стихи. Ну, естественно, в числе других и «неуцененные». Вот стихи такие, как раньше читали в лагере, так и здесь.

Стихи пересылались с ОЛПа на ОЛП так называемыми ксивами. То есть с бумажками. Вот мы переписывались. Завязывались какие-то длительные знакомства.

Уже в Москве я встретился с вот этой женщиной, с которой мы в письмах спорили о Маяковском. Тоже была Молодежная организация, только Кавказ. ‹…›

И стихи вот были такого, так скажем, политического содержания?

Да. Вот! Вот она. [*Показывает фотографию*.] Маркман Элла. Вот мы с ней переписывались. Переписывались в лагере, в частности, по поводу Маяковского. А в Москве как-то случайно пересеклись. А потом уже стали встречаться часто, и с женой мы к ним с ее мужем ходили.

А как вот находили единомышленников? То есть, как можно было просто послать письмо в лагерь, и непонятно, кому оно попадет?

Нет, там не непонятно, нет, почему? Было очень просто. Были, во-первых, профессии какие-то, которые обслуживают несколько ОЛПов. Кроме того, вольнонаемные рабочие в общей рабочей зоне. В зоне Первой и Второй шахт работали люди, связанные с другими зонами. Маркшейдеры, запальщики, обслуга, работники шахткомбинатов. И их просили передать так называемые ксивы. Вольнонаемные на шахтах и рудниках — это ведь в значительной части были бывшие заключенные и их близкие — жены, родственники. После освобождения людей несколько лет ограничивали в правах. Куда им деваться? А на шахте всегда люди нужны. Основная масса вольнонаемных понимала и сочувствовала положению зэка.

А как выглядела эта ксива?

Бумажка, сложенная в несколько раз или спрятанная в какую-то вещь.

Как вы смогли познакомиться? То есть вот вы же раньше не встречались?

Раньше не встречались. Передали мои стихи. Туда. Передали. Ходили стихи так. И так же переписывались мы.

Это мы как раз говорили о песнях. Вы рассказали историю, когда вы оттуда уехали, то есть, а люди вот…

Да. Продолжали переписываться.

А люди остались, в смысле, уже жить не в лагере, а просто на поселке?

Не в лагере, просто. Да. Очень многие оставались. Кому-то некуда было ехать. Кто-то просто нашел человека, с которым дальше можно было дружить или семью создать. Кому-то, скажем, сохраняли ограничения на передвижение. По-разному. Но многие, очень многие там оставались.

Ну, и после освобождения там собирались и опять читали стихи, пели песни, обсуждали ситуацию в стране. Ну, наконец «нашелся добрый человек» — настучал кто-то. Подозревали нового знакомого, который, объявившись в Инте, домик для этих встреч предоставил.

И вновь арестовали?

Арестовали нас, да. Меня здесь. Я долго не мог понять, что и как. Но это я подробно рассказывать не буду, это есть в книге, которая вышла первым, полным, 600-страничным изданием в 2007 году, а потом была переиздана с изменениями и сокращениями в 2016-м ‹…›.

То есть, получается, что второй раз вас арестовали за стихи?

Второй раз меня арестовали, потому что да, там были мои стихи, туда я посылал стихи уже из Москвы. Там пели мои песни. А песни, как вы помните, были «неуцененные». Ко мне, когда стало известно, что я их сочиняю, приходили… еще раньше.

В лагере еще?

В лагере, да. Приходили люди разные. Кто-то пришел, попросил, чтобы я написал ему песню. Вот он освобождается, он хочет прийти и спеть. Вот.

Написал я ему эту песню. До сих пор друзьям пою. А откровенно сказать — и сам себе иногда. Особенно в трудную минуту. Потом, когда уже на воле был в литературном объединении, выступали мы на радио, я эту песню на радио пел. Вот.

А однажды ко мне пришли товарищи по заключению и сказали, что вообще очень нужна песня такая, как гимн вот такой. То ли марш, то ли гимн. Песня борцов за свободу, вот так что-то. Вот. Ну, и вот, я на этом самом аккордеоне, на котором сейчас я ничего не могу сделать, сидел я в раздевалке барачной. Стояли два-три человека — пришли… Принимать. Ну, всё, приняли «заказ».

И потом, значит, она расходится?

И потом она расходится, да. Потом вот, второй раз, почему я говорю: у одного из них, который вовсе не входил ни в какую такую организацию и ничем предосудительным не занимался, нашли текст этой песни. Но второй раз у меня были совершенно другие следователи. Не такие, какие были в [19]53-м. Вот. Уже все было совсем по-другому. И был такой Василий Иванович Орлов.

А я тогда все отрицал. Собственно, не отрицал, а говорил, что не помню, я забыл.

Орлов дает мне текст этого гимна. Вот. «Русь на подвиг растила тебя, Русь тебя посылает вперед». И говорит: «Ну, вот это же, посмотрите, ваш почерк?» А почерк явно не мой! Я говорю: «Да нет, да я…» — «Ну, вот посмотрите, вот эту букву К, вы ее так пишете». Совсем не так! Букву К я знаю хорошо, как я пишу, потому что эта буква была… я когда-то, так сказать, подглядел ее у своей любимой девушки, и вот уж… вот это К, которое я до сих пор так пишу. Вот. Оно характерное было совершенно.

Я говорю: «Да нет, Василий Иванович, нет, не было». Он начинает мне что-то объяснять, потом почти по слогам убедительно так говорит: «Ну посмотрите вы внимательно!!» И вдруг до меня доходит: «Это, — он сначала сказал, — мы у Виктора Ильина нашли». Он же не хочет посадить ну абсолютно ни в чем не виновного Витю Ильина. [*Смеется.*] Я соображаю, говорю: «Да, — говорю, — вы знаете, это я! Да, это действительно, пожалуй, я».

Все, он вздохнул, а я его зауважал. Это единственный этот самый текст, в авторстве которого я тогда охотно сознался.

А песню споете эту?

Давайте спою.

Русь на подвиг растила тебя,
Русь тебя посылает вперед,
Как смолчишь ты, Отчизну любя,
Как не встанешь, коль страждет народ?

Как оставишь в руках палачей
На мученья великую мать,
Русь своих созывает детей,
И встает исполинская рать.

Русь, свободная Русь,
Вот клич восставшего народа,

Русь, страдалица Русь,
Слышишь ли поступь борцов?
Встань, великий народ,
Встань за честь и свободу,
Русь, великая мать,
Слышим твой зов.

Украинец, литовец, грузин,
Молдаванин, москвич и поляк...
Враг один, и путь наш един,
Выше дружбы и вольности стяг!
‹...›
Не за царской империи гнет,
Не за доллара блеск золотой,
Встань за новую Русь, за народ
На борьбу с сталинизма чумой.

Русь, свободная Русь,
Вот клич восставшего народа,
Русь, страдалица Русь,
Слышишь ли поступь борцов?
Встань, великий народ,
Встань за честь и свободу,
Русь, великая мать,
Слышим твой зов.

А какой год это? Это еще вы в лагере написали?

Это в лагере, конечно. В лагере и для лагерных друзей. Это [19]54 год. Да, [19]54 год. Ну, в [19]53-м я только начинал там писать, и начинали узнавать мои песни. А в [19]54-м уже мои песни ходили.

И не только в вашем лагере…

Не только.

Откуда у вас была идея, что с помощью песни можно сделать важное дело? Объединить народ или еще как-то?

Ну, это как-то органически мне присуще. Это как элемент культуры, что ли, национальной российской культуры. И не только национальной, а общечеловеческой.

К вам пришли за гимном. Интересно, почему они хотели гимн?

Ну, потому что в эти годы политзэка объединялись, начали понимать свою силу, понимать, что рабовладение — классическое или по-гулаговски — это уклад устаревший и бессильный в современном обществе. И, наверное, понравилось что-то, что я писал до этого. Вот студенческая песня. «Дружно студенты…» Но это в ритмике и мелодии полонеза.

Дружно, студенты,
За столом сойдемся тесно
Есть только место
Среди нас прямым и честным.

Ветер по стеклам
Бьет метелью белокрылой
Пьем за свободу
Дорогой Отчизны милой.

Дружно, студенты,
Сдвинем кружки жестяные!
Пьем за свободу!
Пьем за новую Россию!

Вам удалось какое-то количество вывезти?

Удалось вывезти, да. Уже была такая, знаете, ленивая слежка за этим. Большинство солдат дежурных так к этому относилось. Единственно, что он не пропустил, это я с собою вывез, здесь уже, в Бутырке, я с собой вывез… хотел вынести бумажного голубя. Которого пускают вот так, да? Почему хотел — потому что ну… мы вдвоем в камере были. Ну, и это уже полгода в одиночке перед этим. Уже тоска смертная. Мы как-то… Правда, мы читали. Читали много, очень много. Половиной своего образования я обязан тюрьме, конечно. Вот. И… что-то, я не знаю, взбрело нам в голову сделать голубка. Пустил один раз, второй раз. А на третий раз я его пустил, а дежурный двери открывает. [*Смеется.*] И он туда — вшшшш! Вот. Дежурный возвращает мне и говорит — на волю пойдешь скоро. Точно! И ведь пошел скоро!

А почему не разрешили взять с собой?

Непонятно, что это такое. Чего это он с собой голубка везет? Что это значит? Это же может быть какой-то условный знак.

А не свои песни вы пели какие-то там?

Конечно, конечно.

Чередом за вагоном вагон,
С тихим стуком по рельсовой стали,
След этапа идет эшелон,
Из Карелии в сибирские дали.

Залепила метель паровоз,
Окна скрылись в морозную плесень,
И порывистый ветер донес
Из вагона тоскливую песнь.

Не печалься, любимая,
За разлуку прости меня,
Я вернусь раньше времени,
Как тебе обещал,

Как бы ни был мой при́говор строг,
Я вернусь на родимый порог,
И, тоскуя по ласкам твоим,
Под окном постучу.

Завернувшись в бушлат с головой,
Проезжаем леса и болота,

Там на каждой площадке конвой,
Ощетинил свои пулеметы.

Там, где горный лежит перевал,
Где раскинулись цепи Байкала,
Где бродяга судьбу проклинал,
Эта песня опять прозвучала.

Не печалься, любимая,
За разлуку прости меня,
Я вернусь раньше времени,
Как тебе обещал,

Как бы ни был мой при́говор строг,
Я вернусь на родимый порог,
И, тоскуя по ласкам твоим,
Под окном постучу.

За червонцы трудов лагерей
И в подарок чиновному классу,
Где терялись тропинки зверей,
Проложили широкую трассу.

Утопали в снегу трактора,
Даже «Сталинцу» сил не хватало,
Но сильнее под звук топора
Эта песня звучала, звучала.

Не печалься, любимая,
За разлуку прости меня,
Я вернусь раньше времени,
Как тебе обещал,

Как бы ни был мой при́говор строг,
Я вернусь на родимый порог,
И, тоскуя по ласкам твоим,
Под окном постучу.

Вот эта похожа, чтобы хором ее пели. Хором пели?

Хором я не слышал, чтобы… нет.

А что-то пели вот вместе? Там, втроем, вчетвером?

Конечно, пели. Все что угодно. И те же песни, которые вот мы дома пели. И другие пели. Отдельно. Пели хором. Ну, правда, хором трудно петь, потому что, ну как, ну, в лагере, значит, можно в бараке. Но это всегда привлечение внимания. Вот. Значит, это делать стараются по-тихому люди. В шахте? Ну да, бывало. Но это редко, в шахте же работать надо.

То есть пели в основном в бараке?

Вечером где-то в бараке. У печки чуть-чуть. Вот. Ну, и… А песни отдельные просто — их пели. Их пели часто. Друг другу. Передавали друг другу. Все это было. И это было, вот вы сейчас спросили, а я подумал: как же это так, ведь мы действительно хором пели очень мало. Вот. В основном пели

индивидуально. И все песни, которые я слышал, не только мои, но вообще все песни специфические тюремные, и они… их пели только индивидуально. Один кто-то пел всем. Другой пел всем. Вот так. А еще — в тюрьме пели, в общей камере на переследствии нас пять человек было.

По очереди скорее, да?

Не только по очереди.

А были не тюремные? Вот мы сейчас с вами: там, одна, другая, третья — все касается лагеря или тюрьмы…

Конечно, конечно. Во-первых, вот эта песня, которую я написал по просьбе этого человека перед его уходом. Классику пели, романсы. «Не слышно шума городского», «В маленькой светелке». Бывало, и надзиратель тихонько под дверью слушал. Кормушку приоткроет: «Только вы не так громко…» Поем потише.

А какие-то свои? Украинцы, например, приехали, про которых вы говорили?

Ну, конечно… я их знал, я с Севера привез и литовские, и украинские, польскую одну!
С украинскими случилось так. Мама не по своей воле уехала на Украину под Екатеринослав к своей тетке. Уехала в [19]19 году. [19]19 год, Екатеринослав. Все счастье: и Махно, и Петлюра, и все что угодно. Вот. Но она женщина была смолоду волевая и стойкая. И там, конечно, она слышала украинские песни. И потом что-то мне напевала. Но у нее чистого выговора украинского не было. Мне с детства очень нравился украинский язык. Отец лучше говорил по-украински. Он родом с Украины ‹…› И когда я в лагере встретил украинцев, то выяснилось, что я вполне сносно говорю по-украински. Что, конечно, их радовало. [*Смеется.*]

А что они пели? Это были какие-то традиционные украинские песни?

Традиционные украинские и нетрадиционные тоже. К примеру, «Дивлюсь я на небо».

Дивлюсь я на небо — та й думку гадаю
Чому ж я не сокіл, чому не літаю?

Но песню эту так часто пели и так пели дружно с украинской компанией, что я, естественно, приделал туда еще один куплет. [*Смеется*.]

А какой куплет?

Чи знаешь ты, Боже,
Як тяжко в неволі,
В кайданах, тортурах
В тій клятій недолі,
Як сердце так бьется
И хоче простору
О, дай мені крылья
Підвестись у гору.

А они восприняли?

Они восприняли это и пели вместе. [*Смеется.*] Потом литовские песни ‹…›

Когда начинался такой маленький вечер, когда пели песни, там была какая-то особенность? Например, если вы поете вот такие политические песни, то тогда ни про какую любовь никто не поет?

Ну почему? Все это было вперемежку. Вот. Конечно, это все было вперемежку. А любовь? Она ведь держит человека, прибавляет сил и веры в лучшее. Помните, в вальсе «В лесу прифронтовом»? «И каждый думал о своей, связавшей с ним судьбу».

А вот вы еще упоминали про песню «Таганка», про переделку.

Да, там немножко в конце было.
Сейчас. Сейчас я… напою этот кусочек.

Ее тоже пели, она была тоже в ходу в лагере, да?

Да, конечно! Ну, «Таганка, все ночи, полные огня, Таганка, зачем сгубила ты меня». А мы пели «централка», потому что это… мы были в центральной тюрьме. Это в смысле в большом доме на площади Дзержинского. Вот. И там еще отдельные слова в последнем куплете… Я давно не пел эти песни. А!

Когда ж отбуду я
Срок наказания
И возвращусь опять
В свой дом родной,
Опять товарищи,
Опять восстание,
И ты, любимая, опять со мной.

Вот. Вот там только одно слово и в другом месте еще, я сейчас не вспомню, какие-то слова были. Там, где характеризовалось то, что ты делал, за что попал. [*Смеется.*]

А еще какие-то вы переделывали?

Ну вот, я одну вам сказал. «В лесу прифронтовом». Потом переделка слов на мелодию у меня, в общем-то, первое, что я начал делать в ла… не в лагере еще, а в тюрьме. Следователь в 1953 году мне сказал, что, если я так буду себя нехорошо вести, то меня просто расстреляют. Вот. Я же молчал и говорил, что ничего, ничего у меня не было, никого. Я не мог говорить, потому что там были товарищи. И если я скажу, что было…

…то арестуют много кого?

Ну, значит, говори… говори, кто! А там уж из тебя вытянут. Вот. Значит, я не могу говорить, кто. И им все равно, кого я назову — лишь бы назвал! Нет, не было, нет, меня там не было, не было, ничего не было. И потом… потом сказал вот, что нехорошо себя ведете. И если будете так себя вести — глядите. Еще при этом пистолетиком поиграл. Я очень рассердился. И когда… Там так: днем ты ходишь по камере, а ночью ты идешь на допрос. И так 19 суток у меня было. Совершенно уже ты, конечно, на 19-е сутки почти не соображаешь. Только внутри все стискиваешь и держишься. Вот, помните, еще я показывал в книге, лицо мелькнуло? Сусанна Соломоновна

Печуро. Она двадцать суток держалась. В бессоннице. Я почувствовал на 19-е сутки, что если я буду продолжать, то я потеряю контроль над собой и чего-нибудь такое наговорю… Потому что мне вдруг показалось… Ну, то есть, тебя поднимают, ты сел и мгновенно уснул, естественно. Уткнулся мордой. Вот, тебя поднимают, и входит какой-то немолодой полковник и начинает тебе что-то сквозь звон в ушах и рыжую пелену перед закрывающимися глазами сочувственно говорить, поучительно. И у тебя начинается… ассоциативно всплывают какие-то странные слова, «вот вы как батька…» так с отеческим видом говорит. А когда я после этого пришел в камеру, думаю, ну все, ребята, больше так нельзя. А то еще раз «как батька» будет, а я поверю, что батька. [*Смеется.*] Вот. И я тогда нашел выход. Ну, там у них… у них-то ведь простой… простая задача. Сказать, кто научил. У них не было задачи учитывать — 17 лет! Школа. Ну, хорошо, там, 1-й семестр вуза. Я раньше кончил школу. Раньше пошел в школу и раньше кончил. Потому что мать… война началась, мать ходила на две работы. Уходила рано утром, приходила поздно ночью. И надо было, чтобы я был как-то присмотрен. И, значит, она как-то сказала: а что, если мы попробуем в школу поступить? Может, тебя примут. А чего не примут — я свободно читаю газетный текст, я считаю туда и сюда, плюс, минус, умножить, разделить. Конечно, примут. Но мне шесть лет. А тогда не принимали в таком возрасте. [19]41 год без этого, а вот [19]42 год, когда труднее всего как раз стало, вот [19]42 год пошли, поговорили со мною, посмотрели. С чистописанием у меня всегда был кошмар! А все остальное ничего. Вот. Ну, и поэтому я кончил 16-ю школу. И пошел в институт.

И с первого курса меня как раз взяли. Ну — и вот как? Молодой парень, где научился? А чего было научаться, когда мы конспекты писали по Ленину и по Энгельсу. И потом оглянешься кругом, а это совсем не то, что собирались сделать. Совсем не то! Вот. В основном, все молодежные организации, а их, известно сейчас документально, 110, все, в основном, создавались вот на базе марксистской теории. Никто не думал о том, что родственников посадили или уровень жизни не такой. Все это, так сказать, житейские происшествия.

Несовпадения, да, несоответствия?

Да. И основная задача для следствия: «Кто научил?» Кто научил? Потому что там дальше только выйти на виновника, соблазнившего вот этого… дурачка. И дальше — что у него там есть, ну-ка! И целое дело. А чем больше дело, тем больше звездочек на погонах. Вот мне этого удалось избежать… немножко стыдно, но все-таки избежать. Я сказал: «Бабушка научила». Вот после этой бессонницы, когда я понял, что намолоть могу все что угодно. Я решил сказать: «Бабушка научила». А она уже умерла в то время. Вот, мол, она рассказывала то и то.

Но следователя даже не интересовали подробности, он тут же это записал и быстренько-быстренько дело завершил. Вот. Так что все на этом и закончилось. Вот это было самое важное. А обо всем реальном продолжал молчать. Когда сказали, что расстреляют, мне… меня зло взяло. И я подряд две песни выдал. На чужую мелодию. Одну на «шахтерскую» мелодию. «По синему небу плывут облака». А вторую… на мотив «Крутится-вертится шар голубой». Вот это первые две сделанные в тюрьме песни.

Крутится-вертится шар голубой,
Крутится-вертится над головой,

Крутится-вертится, хочет упасть,
Давит свободу неправая власть.
В окнах решетка надежна, прочна,
С грустью глубокой стою у окна,
А над Лефортовской мрачной тюрьмой
Небо весеннее, свод голубой.

Это в апреле было.

В небо хотел бы я птицей взлететь,
Песню весеннюю звонкую спеть,
Но не порвать мне тяжелых цепей,
Крепок замок одиночки моей.

Скоро меня поведут на расстрел.
Жаль, что я песню свою не допел,
Жалко мне, жизнь, расставаться с тобой,
Небо весеннее, свод голубой.

Но не погибну бессмысленно я,
Миру останется песня моя,
К счастью, не крикнешь истории «стой!»,
Крутится-вертится шар голубой.

Вот это первая. А вторая:

По синему небу плывут облака,
Весеннее солнце горит,
Не сетуй, товарищ, что жизнь коротка,
Что скоро смерть грозит.
Не сетуй, товарищ, что жизнь коротка,
Ее ты сумел прожить,
По синему небу плывут облака,
И хочется петь и любить.
Друзья твои выйдут в простор голубой
Их солнечный свет обольет,
Скажи, не за этой ли самой мечтой
Ты шел всю жизнь вперед?
Скажи-ка мне, друг, не за эту ль мечту
В семнадцать лет умрешь?
Но так, как у жизни ты взял красоту,
У смерти ты жизнь возьмешь.

Вот, это… эти вот две песни уже были [сочинены], это в полном убеждении, что в конце — стрельнут.

А скажите, пожалуйста, а потом вы вот их еще пели или это вот был такой одиночный акт?

Пели, почему же нет?

Вам вообще вот эта лирика, так скажем, тюремная, она была раньше знакома?

Ну конечно! Я же вырос в рабочем квартале, во дворе пятиэтажки, наполненном девчоночьим озорством и мальчишечьим хулиганством.

А где вы жили здесь в рабочем квартале?

Здесь, на Мытной. На Мытной. Там кругом заводы, вот. Сейчас… припомню. Есть такая лирическая песня приблатненная.

Приморили, суки, приморили,
Отобрали да волюшку мою,

Черные кудри рано облетели,
Знать, на брегу пропасти стою.

Ты ушла, как в песне говорится,
Ты ушла, закутанная в дым,
Я остался тосковать с баяном,
Потому что ты ушла с другим.

Где вы это слышали?

Ну, во дворе.

А кто пел — мальчишки, взрослые?

Мальчишки. Мальчишки. Подростки. Потом что пели еще? В пионерлагере тоже пели такие песни.

Назовите хоть чуть-чуть, списочно.

Сейчас, сейчас, сейчас скажу.

В притоне много вина,
Бокалы пьют там до дна,
Играет танго мотив,
Дочь рудокопа Джанэй,
Вся извиваясь, как змей,
С шахтером Гарри вдвоём...

Знаете эту песню? Да?

Да.

Ну, ладно тогда. Я другую… а давайте…

Когда она бытовала?

Вот это, вот это, ну, с самого раннего детства я это помню. Да, большинство мальчишек их знали!

То есть, 30-е, да, вот конец 30-х?

Это 30-е, да. Дальше? Пожалуйста… Сейчас…

Распутье-путь. Дорога всем открыта,
Туда идут, кто брошены судьбой,
Туда идут налетчики-бандиты,
И гибнут там, в распутье-путье молодом.

Огни притонов заманчиво сияют,
И джаз Утесова заманчиво гремит,
Там за столом мужчины совесть пропивают,
Девчата честь свою хотят вином залить.

Там за столом сидел один угрюмый,
Он был дитя с надорванной душой,
Он был дитя, когда отец его покинул,
Оставил матери родного одного.

Скажите, пожалуйста, и не ожидал, что такую древность помню!

Ребенок рос, и мать его растила,
Сама не ела, за сына… для сына берегла,
С рукой протянутой на паперти стояла,
Порой в лохмотьях и даже без пальта.

Огласовка там такая, как была. [*Улыбается.*] Вот.

Ребенок вырос, с ворами он спознался,
Он стал кутить и дома не бывать.
И проводил всю ночь свою в разбоях,
И позабыл свою старушку-мать.

Однажды двери с шумом растворились,
Вошел в костюме и в кожаном пальто,
И только вымолвить он мог ей: «Здравствуй, мама!»,
И ничего он больше вымолвить не мог.

Наутро мать лежала в белом гробе,
Наутро мать на кладбище везли,
А сына с теми же отчайными бандитами
Наутро всех к расстрелу привели.

Дальше.

По железной военной дороге
Молодой Кучеренко шагал,
Вооруженный наганом и финкой,
И такую он песню напевал.

А теперь я лежу в лазарете,
Пулю вынули мне из груди,
Каждый знает меня на примете,
Что налетчиком был я на пути.

Посещал я кафе-рестораны…

Дальше не помню. Вот.

Вызывают меня к прокурору,
Начинают допросы снимать…

Опять не помню дальше. Но вот это уж совсем из детства.

А потом вот в лагере их не встречали, вот эти песни?

Нет, нет. Там был уже не детский фольклор. Это же спецлагеря, там уже особлаг, и все серьезно.